

УДК 94(470.56):37(091)

Г. П. Матвиевская

Становление Оренбургского Неплюевского военного училища (1825—1832 гг.)

На основе изучения документов Государственного архива Оренбургской области освещается история возникновения старейшего среднего учебного заведения в Оренбурге — Неплюевского военного училища (позже — Неплюевского кадетского корпуса), которое играло важную роль в жизни края вплоть до 1918 г. В статье прослеживается история училища в первое десятилетие его существования. К концу этого срока училище было разделено на европейское и азиатское отделения с различными программами обучения. Это облегчило подготовку необходимых для Оренбургского края переводчиков восточных языков. Показана роль оренбургских губернаторов в становлении этого учебного заведения, приведены сведения о работавших в нем преподавателях, охарактеризована деятельность первых директоров училища.

Ключевые слова: Оренбургское Неплюевское военное училище, Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, образование, восточные языки, переводчики, военные специалисты, преподаватели.

В культурной жизни Оренбургского края XIX — начала XX века важную роль играло Оренбургское Неплюевское военное училище, открытое в 1825 г., а в 1844 г. преобразованное в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, который просуществовал до 1918 г. Это учебное заведение вплоть до 60-х гг. XIX в. отличалось от подобных ему учреждений России значительным своеобразием.

Неплюевский кадетский корпус упоминается во всех дореволюционных сочинениях об Оренбурге (К. А. Белавин [2], Ф. И. Лобысевич [34], П. Д. Райский [49], П. Н. Столпянский [56], В. М. Черемшанский [62] и др.). Различные моменты его истории были отражены в работах А. В. Васильева [4], П. В. Митурича [45, 46], С. Н. Севастьянова [51, 52], П. Л. Юдина [64].

В настоящее время Неплюевский кадетский корпус привлекает внимание исследователей, изучающих историю народного образования в Оренбургском крае (А. А. Аносов [1], В. С. Болодурин [3], С. Г. Мирсаитова [44], Н. Д. Шилов [63] и др.). Отмечается также его роль в развитии отечественного востоковедения [31, 32]. Кроме того, имеются многочисленные газетные и журнальные публикации оренбургских краеведов (Е. Г. Вертоусова [5], В. Г. Семенов [53, 54], Т. В. Судоргина [57—61] и др.), в которых приведены различные интересные факты, связанные с Неплюевским кадетским корпусом.

Таким образом, литература об этом учебном заведении достаточно обширна. Однако многие вопросы, касающиеся его истории, организации учебного процесса, преподавательского состава, жизни воспитанников и деятельности выпускников и т. д., остаются неосвещенными.

Нет и общего обзора истории Неплюевского кадетского корпуса. В опубликованном в 1913 г. кратком очерке [33] говорилось, что обстоятельный труд на эту тему будет написан к столетнему юбилею корпуса, который готовились отмечать в 1925 г., но в 1918 г. корпус прекратил свое существование.

Историю Неплюевского кадетского корпуса можно восстановить, опираясь на документы, хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО). Хотя фонд Неплюевского корпуса, содержащий 200 единиц хранения, в свое время был передан в Центральный государственный военно-исторический архив СССР (теперь Российский государственный военно-патриотический архив), в ГАОО имеется достаточно материалов, которые позволяют дать полное представление о деятельности этого учебного заве-

© Матвиевская Г. П., 2016

дения в период с 1825 по 1866 г., наиболее интересный в его истории. В дальнейшем в результате общероссийской реформы военно-учебных заведений оно утратило свой особый краевой характер.

Следует заметить, что по первоначальному уставу Неплюевского военного училища, а затем Неплюевского кадетского корпуса это учебное заведение находилось в ведении оренбургского военного губернатора, позднее генерал-губернатора. Поэтому его история в XIX в. четко подразделяется на периоды, связанные со временем правления П. К. Эссена, П. П. Сухтелена, В. А. Перовского, А. А. Катенина, А. П. Безака, Н. А. Крыжановского.

Предыстория

Официальное открытие Неплюевского военного училища состоялось 2 января 1825 г., но это событие имело долгую и непростую предысторию. Еще в 1801 г. император Александр I в рескрипте к оренбургскому военному губернатору Н. Н. Бахметеву объявил: «Я положил в некоторых губерниях и, между прочим, в Оренбургской губернии, в городе Оренбурге учредить дворянское военное училище» [30]. Предполагалось, что воспитанники таких училищ пройдут в них обучение «в первых началах наук и будут подготовлены к поступлению в кадетские корпуса» и университеты «для дальнейшего и окончательного приуготовления одних к военной, а других к гражданской службе». Император призвал оренбургских дворян к пожертвованию средств на училище, и вскоре было собрано более 10 тысяч рублей.

Однако путь к открытию военного училища в Оренбурге оказался долгим и сложным. Его внимательно проследил в 1897 г. С. Н. Севастьянов [51], который показал, что главную роль в первоначальной истории Оренбургского Неплюевского военного училища сыграл оренбургский губернатор Г. С. Волконский (1742—1824), правивший краем с 1803 по 1817 г. Этот вывод был основан на изучении документов, хранившихся в архиве канцелярии оренбургского генерал-губернатора.

Вступив в должность оренбургского военного губернатора, Г. С. Волконский сразу увидел необходимость борьбы с «умственным невежеством, в какое было погружено народонаселение вверенного ему обширного края» [51, с. 2]. С этой целью он решил учредить в Оренбурге учебное заведение для казаков и представителей национальных меньшинств («инородцев»), присвоив ему имя Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773) — первого оренбургского губернатора, «устроителя» Оренбургского края.

Но в 1805 г. правительство сократило список губерний, где по царскому рескрипту 1801 г. предполагалось открыть дворянские военные училища, и Оренбургская губерния в него не попала. Поэтому Волконскому пришлось затратить немало усилий, доказывая, что Оренбург остро нуждается в «учебном заведении, приспособленном к нуждам края».

Прежде всего он нашел единомышленников, которые оказали материальную поддержку его начинанию, собрав более 20 тыс. рублей. Из них 10 тыс. пожертвовал внук И. И. Неплюева действительный тайный советник И. Н. Неплюев.

В октябре 1806 г. Г. С. Волконский направил императору рапорт, к которому прилагался подробный план устройства училища [6, л. 5—13]. По приказу императора план был передан для рассмотрения в Совет о военных училищах. Волконский считал, что для открытия Неплюевского училища требуется 60 тыс. рублей и просил у Совета исходить для этой цели из казны недостающие 40 тыс. В марте 1807 г. на эту просьбу последовал решительный отказ. Сама идея о Неплюевском училище признавалась излишней, так как, согласно принятому в 1804 г. уставу учебных заведений, «в Оренбурге положено быть гимназии и уездному училищу» [6, л. 17].

Однако Г. С. Волконский от своего плана не отказался. В 1808 г. встал вопрос: где следует открыть гимназию — в Уфе, которая с 1802 г. являлась административным центром Оренбургской губернии, или в Оренбурге, где находился «главный начальник края» оренбургский военный губернатор. В Оренбурге в это время действовало главное народное училище. Г. С. Волконский предложил перевести это училище в Уфу и на его основе создать там гимназию. В Оренбурге же, по его словам, «за выводом отсюда народного училища необходимо учредить училище для азиат и всех вообще иррегулярных войск». «Поэтому, — писал он, — я возобновляю мое предположение об учреждении Неплюевского училища» [51, с. 36—37].

Чтобы облегчить положение, Г. С. Волконский решил не просить о предоставлении из казны денег, недостающих для учреждения училища. Он изыскал для этого местные средства, используя прежде всего «мечетную сумму» — остаток от денег, которые выделялись на содержание мечетей, построенных в Оренбургском крае. Кроме того, продолжали поступать пожертвования на Неплюевское училище, а собранная сумма значительно увеличилась за счет выдачи ссуд частным лицам под 6% годовых. Об этом свидетельствуют хранящиеся в ГАОО «Документы о приходе и расходе суммы, собранной на заведение в Оренбурге военного Неплюевского училища с 1806 г. по 1821 год» [7, 8].

Вплоть до своего отъезда из Оренбурга в 1817 г. Г. С. Волконский настойчиво добивался решения вопроса о Неплюевском училище, затянувшегося в связи с Отечественной войной 1812 г. и европейскими походами. Его хлопоты продолжил новый оренбургский военный губернатор П. К. Эссен.

«Постановление о Неплюевском военном училище»

Петр Кириллович Эссен (1742—1844), правивший Оренбургским краем с 1817 по 1830 г., вскоре после своего приезда в Оренбург направил военному министру донесение о необходимости скорейшего открытия Неплюевского училища, причем представил финансовые расчеты и план деятельности учебного заведения [51, с. 43—47].

В 1824 г. дело, наконец, сдвинулось с места. Ходатайство П. К. Эссена рассматривалось Советом о военных училищах, а затем в Сенате, где после долгого обсуждения было подготовлено «Постановление об Оренбургском Неплюевском военном училище», определившее его статус, цели, задачи, штат и т. д. Этим документом утверждалось, что Неплюевское военное училище состоит под началом оренбургского военного губернатора и находится в ведении Совета о военных училищах, куда он должен обращаться только в особо важных случаях. Таким образом, оренбургский военный губернатор становился главным лицом, определяющим всю деятельность Неплюевского училища.

В штат училища вошли: директор, инспектор классов, эконо́м (он же полицмейстер по дому), казначей, «учителя наук и языков», офицер для обучения основам военного дела и гувернер для надзора за поведением воспитанников. Руководство учебным заведением возлагалось на директора и Комитет училища, состоявший из директора, инспектора классов, гувернера и эконо́ма.

«Постановление» гласило, что «училище учреждается: 1) для детей, коих отцы служат или служили в иррегулярных войсках Отдельного Оренбургского корпуса; 2) для детей азиатцев, не состоящих в прочном подданстве; 3) для детей всякого свободного состояния людей».

Училище рассчитывалось на 80 воспитанников.

Главная задача Неплюевского военного училища состояла в подготовке гражданских и военных чиновников для службы в многонациональном Оренбургском крае и переводчиков с восточных языков, потребность в которых в пограничном с Азией регионе была очень велика [62]. Дети оренбургских и уральских казаков, командного состава башки-

ро-мещеряцкого войска после окончания училища зачислялись на военную службу урядниками. Оказавшие отличные успехи в восточной словесности определялись в «переводчики, конфиденты и толмачи по пограничному управлению в Оренбурге».

Неплюевское училище должно было содержаться на местные средства. Основными их источниками были проценты с накопленного к этому времени основного капитала училища и так называемый билетный сбор с киргиз, который с 1817 г. взимался за право найма киргиз прилинейными жителями на работу. Он поступал в Оренбургскую Пограничную комиссию и перечислялся в Неплюевское училище. Кроме того, предполагалось, что будут продолжаться частные пожертвования в пользу училища.

Неплюевское училище рассчитывалось на 80 воспитанников, причем планировалось, что 40 из них будут содержаться за счет средств, принадлежащих училищу, а 40 — за счет родителей или родственников.

Среди учебных предметов значились прежде всего основы религии, христианской или мусульманской — в зависимости от вероисповедания воспитанника. Особое внимание уделялось языкам. Наряду с русским, французским и немецким в программу были включены татарский, арабский и персидский языки. Таким образом, Оренбургское Неплюевское военное училище явилось первым военно-учебным заведением, где в обязательном порядке изучались восточные языки.

В программу входили также история (всемирная и российская), география (математическая, всеобщая и российская), основы естественной истории (т. е. ботаники, зоологии и минералогии) с приложением этих предметов к условиям Оренбургского края. Далее следовали арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия (плоская и сферическая). Список учебных предметов завершали военные дисциплины — полевая фортификация, начальные основания артиллерии, рисование и черчение планов, военная экзерциция.

Срок обучения был определен в шесть лет — по два года в каждом из трех классов: нижнем, среднем и верхнем. Занятия должны были длиться по шесть часов в день. Учителям и инспектору классов вменялось в обязанность отмечать успехи воспитанников и ежемесячно представлять их директору, который должен давать подробный отчет военному губернатору за каждую треть года.

В конце учебного года во всех классах предписывалось проводить испытания, сначала частные, а затем публичные — в присутствии военного губернатора и «посторонних лиц». После двух лет обучения воспитанникам предстоял перевод в следующий класс, неуспевающих предлагалось оставлять на второй год, а «нерадивых и не подающих надежды» — исключать.

Подготовка к открытию Неплюевского военного училища. Первый директор Г. Ф. Генс

Александр I утвердил «Постановление» 9 февраля 1824 г., а 6 апреля П. К. Эссен получил предписание «употребить деятельные меры к ускорению открытия сего училища и к приведению его в цветущее состояние» [9, л. 2 об.].

С предстоящим событием связывались большие надежды. Их отразил посетивший Оренбург как раз в это время известный петербургский литератор, издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин. Описывая свою поездку в статье «Картина Оренбурга» [50], он упомянул об ожидавшемся открытии училища, названного по имени «покойного Ивана Ивановича Неплюева, основателя Оренбурга, который и по смерти своей не перестает благодетельствовать любезной ему стране». П. П. Свиньин писал: «Главная цель сего заведения есть воспитание детей иноверцев, населяющих Оренбургский пограничный край. Здесь дети киргизских султанов и башкирских чиновников, сверх Корана и арабского языка, обучаются языкам европейским, математике, физике,

географии и истории. Отсюда, может быть, выйдут люди, которые на берегах Сыр-Дарьи или Эмбы, под войлочными палатками, будут читать Ломоносова и Расина и описывать своим соотечественникам строение мира. Отсюда — еще вероятнее — свет наук, может, прольется в Башкирию, и сыны лесов с благодарностью узнают доселе чуждые им приютности просвещенного общежития!» [50, с. 26—27].

Началась напряженная работа по комплектованию училища и организации первого набора воспитанников.

Прежде всего предстояло подобрать кандидатуру на должность директора училища. Выбор П. К. Эссена пал на уважаемого в городе подполковника Г. Ф. Генса, начальника инженеров Отдельного Оренбургского корпуса.

Григорий Федорович Генс (1787—1845) [42, 43, 52, 64], происходивший из небогатой дворянской семьи прибалтийских немцев, окончил в 1807 г. петербургский Инженерный корпус и сразу был отправлен в Оренбург, где прослужил 38 лет до конца жизни. Ему довелось занимать различные ответственные должности, на которых проявился его талант администратора и дипломата. Превосходный военный инженер, Г. Ф. Генс обладал обширными познаниями в разных областях науки и талантом исследователя. Оставшиеся после него рукописи, содержавшие важные сведения о Средней Азии, вызвали большой интерес ученых и впоследствии были опубликованы.

В рапорте Совету о военных училищах от 14 мая 1824 г. П. К. Эссен сообщал о своем выборе и обосновывал его тем, что «в сем достойном штаб-офицере примерная нравственность соединяется с отличными сведениями в науках и в правилах образования юношества». Кандидатура была одобрена, и 4 августа 1824 г. Г. Ф. Генс был утвержден директором Неплюевского училища «с оставлением в прежней должности начальника инженеров Отдельного Оренбургского корпуса» [10, л. 1—1 об.].

При подготовке к открытию училища возник вопрос о размещении воспитанников. В «Постановлении» значилось, что для него отводится «дом, принадлежащий Оренбургской Пограничной комиссии, с местом и казенным строением, при нем имеющимся», а также «незастроенное место, в смежности с оным находящееся, для училищного сада» [9]. Однако, как вскоре выяснил Г. Ф. Генс, «дом, назначенный для училища, находится в таком состоянии, что может быть употреблен по сему назначению не более трех лет и не иначе, как с нуждою и по исправлению в нем важнейших ветхостей» [9, л. 53 об.]. Возникла необходимость в новом помещении для училища, но средств на строительство не было.

Выход нашелся благодаря тому, что в сентябре 1824 г. Оренбург посетил сам император Александр I, совершавший поездку по восточным губерниям европейской России. Обратившись к нему лично, П. К. Эссен доложил, что Неплюевское военное училище будет открыто в начале следующего года, но отведенный под него деревянный дом не только пришел в ветхость, но и слишком мал. Он просил разрешить постройку нового каменного здания и выделить для этой цели из казны 50 тысяч рублей — заимообразно сроком на 10 лет [11]. На эту просьбу последовало высочайшее соизволение.

В это же время комплектовался штат служащих и преподавателей училища. На должность эконома Г. Ф. Генс предложил назначить чиновника Оренбургской пограничной таможни Семена Ивановича Владимирову, заслуженного ветерана наполеоновских войн 1807—1812 гг. [10, л. 17—22].

Должность гувернера по рекомендации Г. Ф. Генса занял Карл Карлович Комяти — «иностранец венгерской нации, уволенный от службы подпоручик» [10, л. 23—24 об.]. Он представил свидетельство от Оренбургского главного народного училища в том, что «достаточно сведущ» в латинском, немецком и французском языках, способен их преподавать и «по-русски изъясняться может».

Инспектором классов был определен имевший университетский диплом Александр Николаевич Попов, который одновременно должен был преподавать историю и географию [12, л. 470].

Учителем русского языка стал окончивший духовную семинарию Николай Ильич Ильин [9, л. 143а], а православным законоучителем — священник Стефан Михайлович Содальский (1783—1863), который оставался в училище до 1846 г.

Учителем татарского языка был назначен сотник 9-го Башкирского кантона Хусейн Абдусаламов. Как сообщил Г. Ф. Генс в рапорте военному губернатору, на предварительном испытании он «оказал порядочные познания и способен к сей должности, в которой находился и прежде» [31, с. 179]. Абдусаламов преподавал в училище до своей смерти в 1828 г.

Преподавать арабский и персидский языки вызвался «находящийся при мечети Менового двора» имам Абдул-Гасан Сардаков. Для проверки его знаний, по решению Эссена, ему было предложено сделать перевод на арабский и персидский языки первого параграфа «Положения о Неплюевском военном училище». Этот перевод отправили на отзыв в Казанский университет ординарному профессору восточной словесности Ф. Эрдману, который, хотя и обнаружил некоторые ошибки, нашел познания переводчика достаточными. Было решено утвердить Сардакова в должности учителя арабского и персидского языков, тем более что других кандидатур не было [31, с. 179].

Чтобы открыть Неплюевское училище, как предполагалось, в начале 1825 г., необходимо было срочно произвести набор воспитанников. С такой целью 27 октября 1824 г. П. К. Эссен предписал Оренбургскому губернскому правлению немедленно объявить об этом в уездах, башкирских кантонах, Оренбургском, Уральском казачьих и мещеряцком войсках [13, л. 9—11]. Предлагалось «тем, кто пожелает своих детей или родственников не моложе восьми и не старше двенадцати лет отдать в сие Училище для образования в науках и нравственности», сообщить об этом военному губернатору не позднее 20 ноября.

В объявлении разъяснялись условия приема и права воспитанников. Дети дворян, чиновников, купцов и «других людей свободного состояния», окончившие училище, будут определены на военную службу с преимуществами перед остальными и с повышением в чинах и званиях «по мере заслуги и способности каждого». Дети казаков, башкир и мещеряков возвращаются «в их жительство» с чином урядника. Особо выделялись «оказавшие отличные успехи в восточной словесности»: они будут определены в «переводчики, конфиденты и толмачи» для оренбургских пограничных учреждений.

Объявлялось, что 40 воспитанников («преимущественно бедного состояния») будут содержаться за счет училища и 40 пансионеров — за счет родителей или родственников («по 300 руб. в год, и сумма сия взимается или сполна в начале каждого года, или, смотря по достатку платящего, за полгода вперед по 150 руб.»). Кроме того, могли приниматься и «полупансионеры» с платой по 150 руб. в год.

Обращает на себя внимание следующий пункт объявления: «Казаки, башкирцы, мещеряки, разного звания татарин и азиатец, представивший в Училище сына с обязательством не брать оно до окончания курса наук, продолжающегося не менее шести лет, получают похвальный лист от Оренбургского военного губернатора».

Хотя в большинстве поступивших ответов сообщалось, что желающих отдать детей в обучение не оказалось [13, л. 35—36], в ноябре в списке воспитанников, принятых на казенное содержание, насчитывалось 14 человек [13, л. 53—53 об.].

Открытие Неплюевского военного училища

Официальное открытие Неплюевского военного училища состоялось 2 января 1825 г. и было отмечено как важное для Оренбурга событие. На торжественном акте, описание

которого дал Г. Ф. Генс [9, л. 143—144 об., 157—160], присутствовали военный и гражданский губернаторы, представители православного и мусульманского духовенства, чиновники, «почетнейшие жители города и значительнейшие из пребывающих здесь азиатцев». Среди гостей особо отмечен «высокостепенный хан Меньшой Киргизской Орды Ширгази Айчуваков».

Торжество началось молебном, после которого учитель русского языка Ильин «говорил о важности сего заведения и пользе, ожидаемой от одного для здешнего края», а священник Содальский произнес краткое поучение. В другом помещении было проведено «богослужение магометанское», после чего учитель татарского языка Абсалямов «читал речь на сем языке», указав на пользу, которую получают от училища народы, обитающие в Оренбургском крае.

Посетители встретились с воспитанниками, «одетыми в синее казачье платье, составляющее мундир училища», осмотрели «спальни и остальные покои, которые на первый случай сказались удобными и по возможности хорошо устроенными». В общем, «многочисленность собрания, важность предмета и общее удовольствие отличали торжество сие, которое окончилось приличною музыкою».

В заключение Г. Ф. Генс пишет: «Таким образом, положено начало заведению, обещающему важнейшие пользы здешнему краю и увековечивающему память первого начальника оногo — действительного тайного советника Ивана Ивановича Неплюева. Училище сие есть первое в своем роде. Преподавание восточных языков составляет один из главных предметов учения; образование переводчиков, офицеров иррегулярных войск здешнего корпуса и распространение просвещения между Азиатцами есть цель сего заведения».

Начало учебной работы и первые результаты

С началом занятий выяснилось, что строго следовать утвержденной программе обучения не представляется возможным из-за слабой подготовки учащихся. Некоторые из них не владели русским языком. Из отчетов о деятельности училища за 1825 г. видно, что «воспитанники более всего были заняты русским языком, дабы впоследствии времени они могли легко понимать преподавание наук на этом языке» [9, л. 148 об.]. Прежде чем начать изучение арабского и персидского языков, нужно было научиться читать и писать по-татарски. Изучение сразу многих предметов было непосильно для начинающих, особенно для воспитанников, «не имеющих до сего времени никакого понятия об образовании». Так, не было начато преподавание немецкого языка, а в отведенное для этого время «воспитанники занимались французским языком и чистописанием оногo».

Математическая география и всемирная история не преподавались, «потому что оные должны в преподавании последовать уже за хорошим чтением и разумением русского языка». Назначенное для них время «было употреблено на чистописание русского языка и на большее занятие арифметикой».

В отчете за сентябрьскую треть 1826 г. сообщалось, что за предыдущий год в русском языке «воспитанники довольно уже оказали значительные успехи», и поэтому в этом году стали изучаться история, география, арифметика и немецкий язык [9, л. 188 об.]. В более поздних отчетах утверждалось, что обучение идет успешно и в соответствии с программой.

В 1827 и 1829 гг. вновь производился набор учащихся, так что в Неплюевском училище были укомплектованы все три класса. В 1830 г. в старшем классе насчитывалось 9 воспитанников, в среднем — 17, в нижнем — 22. Как видно, например, из «Ведомости о состоянии Оренбургского Неплюевского училища за генварскую треть 1830 года» [9, л. 667—670], в нижнем классе занимались чтением молитв и изучением основ рели-

гии, чистописанием на разных языках, а также знакомились с арифметикой и началами всеобщей истории и географии. В среднем классе помимо основ религии проходили грамматику русского и других языков, продолжали изучать арифметику, историю, географию и занимались рисованием.

В программе верхнего класса значилось: по татарскому языку — «перевод с русского и письмо с диктовкой», по персидскому — «перевод и разговор», по арабскому — грамматика, по французскому — «перевод и письмо с диктовкой». По русской словесности в верхнем классе осваивали начала риторики. Кроме того, изучались арифметика, алгебра и геометрия, а также российская история и математическая география.

К этому времени директору училища Г. Ф. Генсу стало ясно, что программа обучения воспитанников сильно перегружена. Об этом и других недочетах в организации учебного процесса шла речь в его донесении П. К. Эссену от 5 марта 1830 г. Он писал: «Опыты пяти лет, истекших после открытия Неплюевского военного училища, открыли некоторые недостатки и неудобства, препятствующие училищу принести отечеству вообще и здешнему краю в особенности желаемую пользу» [14, л. 1—2]. Генс настаивал на том, что необходимо усовершенствовать систему преподавания, а для этого требовалось внести в устав училища некоторые изменения.

Трудности преподавания по столь сложной программе приходилось преодолевать преподавателям Неплюевского училища. Только в 1830 г. вышло постановление, которым они уравнивались с преподавателями гимназий. При этом старшие учителя, получившие чин 9 класса согласно табели о рангах чиновников, должны были иметь университетское образование. От младших учителей, получавших чин 10 класса, требовалось свидетельство университета о том, что на испытании они показали необходимые для преподавателя познания [15, л. 667—670].

Из работавших в то время учителей к старшим были причислены инспектор классов А. Н. Попов, преподававший историю и географию, и преподаватель русской словесности Н. И. Ильин. Старшим учителем стал и преподаватель математики Дмитрий Иванович Сапожников, который в 1829 г. окончил Казанский университет со званием «действительный студент» и с 21 марта 1830 г. работал в Неплюевском училище [16, л. 192 об. — 194].

В 1829 г. в штат преподавателей был принят Дезире Федорович Дандевиль (1770—1843) — французский военнопленный, навсегда оставшийся в России. Он получил университетское свидетельство о познаниях, достаточных для преподавания французского языка, и занял должность младшего учителя [16, л. 194 об. — 195]. С Неплюевским училищем связана вся его дальнейшая жизнь.

В отличие от него только три года проработал в училище другой «иностранец — отставной прусский поручик» С. И. де ла Серре, который с 1828 г. преподавал немецкий язык, арифметику и алгебру [9, л. 553, 576—577 об., 588].

В этот период Г. Ф. Генс, которому по должности директора приходилось вникать во все подробности учебного процесса и хозяйственной жизни училища, решал и другую важную задачу. Когда в 1826 г. было официально подтверждено высочайшее соизволение на постройку нового здания училища, он лично разработал его проект и взял на себя руководство строительством. Нужно было действовать быстро, так как в старом здании, стремительно ветшавшем, с трудом могли разместиться учащиеся наборов 1827 и 1829 гг. Срочно подвозились строительные материалы. Генс доносил военному губернатору: «Если не заготовятся оные и не будут сделаны цоколь и фундамент, то едва ли здание может быть закончено в 1829 году» [11, л. 19]. В действительности строительство завершилось в 1830 г. [14, л. 24 об.].

В начале 1829 г. Г. Ф. Генс попросил начальство уволить его с должности директора Неплюевского училища, мотивируя это тем, что в 1825 г. он был назначен председателем Оренбургской Пограничной комиссии и продолжал заведовать инженерной частью Отдельного Оренбургского корпуса. Как сообщал П. К. Эссен в Петербург, «при всем усердии его он не может успевать в надзоре над училищем» [14, л. 4 об., 5—11]. Кандидатура претендовавшего на это место подполковника П. Е. Евдокимова была отвергнута в Совете по военно-учебным заведениям, так что вопрос остался ждать своего решения.

Первые распоряжения П. П. Сухтелена

Для Оренбургского края 1829—1830 гг. были отмечены небывалым бедствием — эпидемией холеры, которая пришла из Средней Азии, а затем распространилась по России далее в Европу [48]. Борьбе с холерой была подчинена деятельность оренбургского военного губернатора П. К. Эссена и сменившего его в этой должности П. П. Сухтелена, который прибыл в Оренбург 5 июня 1830 г.

Герой наполеоновских войн и русско-турецкой войны 1828—1829 гг., генерал-лейтенант Павел Петрович Сухтелен (1788—1833), человек образованный и отличавшийся многими личными достоинствами, оставил яркий след в истории Оренбургского края [55]. В Неплюевском военном училище при его недолгом правлении (1830—1833 гг.) произошли важные преобразования.

Одно из первых распоряжений нового военного губернатора по училищу касалось организации лазарета для воспитанников на верхнем этаже только что построенного училищного дома. К лазарету были прикомандированы штаб-лекарь И. А. Соколов (1796—1845) с помощником А. Берсеневым [17, л. 30, 78—78 об.]. Эта мера оказалась очень своевременной, так как весной 1831 г. появилась корь, а летом при новой вспышке холеры «из восьми воспитанников, пораженных сею губительной эпидемией, один умер» [17, л. 416]. Медики приложили много усилий для борьбы с болезнями [15, л. 378—380, 394—395, 434—434 об.].

Несмотря на эпидемию, жизнь в Неплюевском военном училище шла своим чередом. В январе 1831 г. состоялся первый выпуск: девять воспитанников были определены на военную и гражданскую службу — офицерами иррегулярных войск и переводчиками.

Среди выпускников нужно отметить Мартиниана Иванова и Салихзяна Кукляшева, которые через некоторое время стали преподавателями восточных языков в Неплюевском военном училище, и Льва Плотникова, впоследствии успешного оренбургского чиновника.

Для среднего и нижнего классов были проведены испытания, но только частные, а от публичных пришлось отказаться «по причине расстройства от существовавшей в том году холеры» [17, л. 420]. Затем воспитанники получили отпуск (вакации), продолжавшийся с 1 июля по 1 августа [17, л. 111].

Между тем П. П. Сухтелен, ознакомившись с положением дел в Неплюевском училище, обратил внимание на качество преподавания восточных языков и позаботился о подыскании учителей высокой квалификации. Особую тревогу вызывало изучение арабского и персидского языков. Поэтому уже 25 августа 1830 г. П. П. Сухтелен направил письмо попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину, в котором сообщил о своем желании «приобрести для Оренбургского края отличного ориенталиста». Он просил помочь перевести на службу в Оренбург преподававшего в университете «кандидата восточной словесности Де Мезона, обучавшегося оной с отличным успехом» [18, л. 1—2].

Речь шла о Петре Ивановиче Демезоне (1807—1873), впоследствии крупном отечественном востоковеде. Уроженец г. Шамбери в Пьемонте, он в молодости переехал в

Россию, был принят на казенный счет студентом Казанского университета, но обучение проходил в Петербурге. В 1829 г. он вернулся в Казань, где должен был прослужить шесть лет. Приглашение П. П. Сухтелена Демезон принял с готовностью. Ему была предложена, помимо должности старшего преподавателя в Неплюевском военном училище, также должность «драгомана», т. е. переводчика при канцелярии оренбургского военного губернатора. После длительной ведомственной переписки [18, л. 13—16] П. И. Демезон получил новое назначение и в конце 1831 г. прибыл в Оренбург. Здесь он прослужил пять лет, в 1833—1834 гг. совершил важную дипломатическую поездку в Бухару, а в 1836 г. был переведен в Министерство иностранных дел в Петербурге [40].

Таким образом, вопрос о преподавании арабского и персидского языков в Неплюевском училище получил наилучшее решение. Учитель А. Сардаков в апреле 1831 г. подал прошение об увольнении с должности [15, л. 232—235 об.], а его место занял П. И. Демезон.

В это время возникли сложности и с преподаванием татарского языка, так после смерти преподавателя Абдусалямова (10 декабря 1828 г.) занятия проводил А. Сардаков [9, л. 496]. Теперь комитет училища рекомендовал назначить на должность учителя татарского языка выпускника 1831 г. Мартиниана Иванова, который в годы учебы значился во всех ведомостях как лучший ученик [15, л. 145]. В июне 1831 г. он был отправлен в Казань [17, л. 322], где после испытания в университете получил свидетельство о хороших познаниях в татарском языке и был признан способным занять учительскую должность [15, л. 460—463].

В дальнейшем М. И. Иванов, успешно сочетавший преподавательскую деятельность с работой переводчика при канцелярии военного губернатора, стал известным востоковедом, автором учебника татарского языка и татарской хрестоматии [39].

В 1831 г. из училища уволился С. И. де ла Серре, и преподавание немецкого языка было возложено на гувернера К. К. Комяти [15, л. 236, 239].

Тогда же встал вопрос о замене инспектора классов Неплюевского военного училища А. Н. Попова, который, по-видимому, не удовлетворял требованиям Г. Ф. Генса. Комитет училища 26 ноября 1831 г. просил отправлявшегося в Петербург П. П. Сухтелена «пригласить кого-либо из желающих вступить в сию должность» [15, л. 407—408]. Подходящей кандидатурой оказался преподаватель Вольского уездного училища Александр Никифорович Дьяконов.

Как следует из его формулярного списка [16, л. 187—189; 19, л. 20—34], он родился в 1797 г. в купеческой семье и, получив хорошее образование, начал в 1820 г. службу канцеляристом в Илецком соляном правлении, но в 1825 г. уволился. Дальнейшая его деятельность связана с преподаванием. В 1828 г. — «по учиненном испытании» — Московская губернская гимназия выдала ему свидетельство о достаточных познаниях в русской словесности, истории, географии, французском языке, и в январе 1829 г. он был определен старшим преподавателем в подведомственное Казанскому учебному округу Вольское уездное училище.

В поданном П. П. Сухтелену прошении [15, л. 416—417 об.] А. Н. Дьяконов, ссылаясь на «чрезвычайно недостаточное жалованье» на прежнем месте службы, выразил желание перейти в Неплюевское военное училище на должность инспектора классов. В его прошении сказано, что он «знает в совершенстве русский язык, историю и географию, как русскую, так и всеобщую, древнюю и новую, арифметику, алгебру, геометрию, французский язык и много других предметов». Кроме того, он занимается литературным творчеством и печатает статьи и переводы «в лучших русских журналах».

На перевод А. Н. Дьяконова в Оренбург военный губернатор получил согласие Министерства народного просвещения [15, л. 422—423, 425, 465], и после увольнения А. Н. Попова [15, л. 470—470 об., 497—497 об.] новый инспектор классов 4 июня 1832 г. приступил к исполнению своих обязанностей.

Появление этого образованного преподавателя не только имело большое значение для Неплюевского военного училища, но и оказало влияние на всю культурную жизнь города. Позднее он тесно сотрудничал с приехавшим в Оренбург в 1833 г. В. И. Далем и оказал ему «умное и дельное содействие» в работе над «Толковым словарем живого великорусского языка» [37].

Новый директор Неплюевского военного училища К. Д. Артюхов

Одновременно с устройством преподавателей П. П. Сухтелен должен был решить вопрос о директоре училища. Правда, Генс, ранее просивший уволить его от этой должности, сообщил в рапорте от 21 августа 1830 г., что, поскольку его освободили от обязанностей начальника инженеров, он «находит возможным остаться при должности директора сего заведения до окончания начатых построек и до получения оным в отношении учебном и политическом надлежащего устройства и направления». Но с 1825 г. Г. Ф. Генс был также председателем Оренбургской Пограничной комиссии, и совмещать две ответственные должности ему было трудно.

Перед П. П. Сухтеленом стояла нелегкая задача. В ноябре 1831 г. в рапорте военному министру [14, л. 35—36 об.] он доносил, что подобрать кандидатуру на должность директора трудно, ибо она требует не только «умения обращаться с азиатцами, из коих составляет большая часть учеников и учителей сего заведения», но также «одаренности познанием и нравственными качествами, столь нужными для воспитания юношества».

Отметив «отличную службу» председателя Оренбургской Пограничной комиссии полковника Генса, П. П. Сухтелен решил «присвоить ему попечительство над Неплюевским училищем» с сохранением прежнего жалованья. Директором же училища в помощь Генсу он предложил назначить состоящего при Отдельном Оренбургском корпусе инженер-капитана К. Д. Артюхова, заметив: «По убеждению моему, трудно будет приискать директора для Неплюевского училища, более сего офицера достойного».

Константин Демьянович Артюхов (1796—1842), как следует из его формулярного списка [16, л. 175—180], происходил из дворян Пензенской губернии. В 1813 г. он закончил 2-й кадетский корпус в Петербурге и был назначен на службу в Оренбургскую инженерную команду. В 1816 г. его отправили в столицу для продолжения образования в Главном инженерном училище, окончив которое в 1820 г. он вернулся в Оренбург. В 1821—1822 гг. вместе с военным инженером К. М. Тафаевым он совершил трудную экспедицию для картографирования Зауральской степи между Орской и Троицкой крепостями [20], в 1823 г. участвовал в походе Ф. Ф. Берга, во время которого производил топографическую съемку между реками Уралом, Орью и Эмбой [21].

В Оренбурге К. Д. Артюхов пользовался большим уважением и оставил след в его культурной истории. Его упоминали А. С. Пушкин, встречавшийся с ним в Оренбурге в 1833 г., и В. И. Даль, который был его близким другом [41, с. 87—89].

В своем рапорте П. П. Сухтелен просил министра исходатайствовать позволение до вступления К. Д. Артюхова в должность — предоставить ему «кратковременную поездку в Москву, дабы он мог ближе ознакомиться с порядком и устройством существующих в сей столице учебных заведений, а в особенности кадетского корпуса» [14, л. 36 об.]. Эта командировка была ему предоставлена.

Впоследствии К. Д. Артюхов писал: «Прежде вступления моего в должность директора... я был командирован в Москву для узнания порядка и методы преподавания наук в

военно-учебных заведениях. По прибытии в столицу я имел счастье лично представиться его императорскому высочеству [Михаилу Павловичу] и получить от него дозволение обозреть вместе с директором Московского кадетского корпуса все части управления одного с тем, чтобы Неплюевское военное училище по мере возможности и при умножении средств довести до подобного благоустройства» [22, л. 137 об.].

В Москве К. Д. Артюхов пробыл с 10 августа до 19 октября 1832 г. [16, л. 210], а затем приступил к исполнению обязанностей директора Неплюевского училища.

Проект реформы Неплюевского военного училища

Вскоре после прибытия в Оренбург, 10 июня 1830 г., П. П. Сухтелен обратился к Г. Ф. Генсу с просьбой представить «соображения относительно нынешнего состояния и будущего усовершенствования Неплюевского училища» [15, л. 232—235]. В ответном рапорте [15, л. 20—20 об.] от 21 августа Г. Ф. Генс четко сформулировал свои предложения по реформированию учебного заведения.

Напомнив, что училище предназначалось «для обучения азиатцев и для того, чтобы оно служило рассадником для переводчиков и офицеров иррегулярных войск данного края», он утверждал, что обучать воспитанников следует по-разному, в зависимости от их будущей службы. «Предметы учебные слишком многочисленны, — писал Г. Ф. Генс, — так что они слишком обременяют память воспитанников и, кажется, несогласны с будущим назначением их. Азиатцу и офицеру башкирскому и даже казачьему едва ли нужны знания немецкого и французского языка и высшей математики, а воспитаннику, приготовляющемуся быть офицером в регулярных войсках армии, не нужны языки восточные».

Сам Г. Ф. Генс как председатель Оренбургской Пограничной комиссии выражал особую заинтересованность в подготовке переводчиков с восточных языков. «Пограничная комиссия, — продолжал он, — имея их весьма ограниченное число, должна употреблять в сей должности людей разного сословия, недостаточного образования и, кроме всего, за редким исключением, магометан, на которых не всегда можно положиться, особенно в делах тайных». В этом выразились пожелания оренбургской администрации, вынужденной повседневно общаться с киргизами (т. е. казахами), а также с купцами и посланниками из среднеазиатских ханств.

Кроме того, Г. Ф. Генс считал, что теперь училище «получило цель более обширную» по сравнению с поставленной первоначально, и предлагал «точнее назначить» ее.

Эти идеи легли в основу принятых П. П. Сухтеленом решений об усовершенствовании программы обучения в Неплюевском училище и об изменении его структуры. Свои предложения он направил 29 декабря 1831 г. в Совет о военно-учебных заведениях [14, л. 38—43 об.], причем подчеркнул, что в нем учтены мнения комитета училища и лично Г. Ф. Генса.

Прежде всего предлагалось видеть цель училища в том, «чтобы в сем дальнем крае добавить малоимущим дворянам и служащим чиновникам способ к воспитанию своих детей», чтобы распространить образование «на юношество, происходящее из почтеннейших азиатцев», и чтобы «приобретать для будущего употребления на службу переводчиков и надежных чиновников из русских, в каковых для частых сношений с иноверцами с давнего времени недостаток был ощутителен».

Для устранения «неудобств в предметах и правилах образования воспитанников» П. П. Сухтелен считал необходимым «разделить преподавание в Неплюевском училище на два отделения, то есть на отделение восточное и на отделение европейских наук». В первом должны находиться «дети азиатцев и иноверцев», а также «те из русских, которые желают обучаться восточным языкам — либо по особенной склонности, либо чтобы

со временем служить по пограничной части». В европейском отделении должны обучаться «те из детей внутренних жителей, которые посвящают себя военной и гражданской службе».

В соответствии с этим предполагалось изменить программу обучения: в европейском отделении прекратить преподавание восточных языков, а в азиатском, где на них обращалось основное внимание, из программы удалить военные науки, а в математике ограничиться арифметикой. В восточном отделении, кроме татарского, персидского и арабского языков, предлагалось изучать основы христианской и мусульманской религий, русский язык, арифметику, математическую географию, всемирную историю, основы естественной истории, рисование.

В предлагаемой программе европейского отделения восточные языки отсутствовали, но список предметов был более длинным: закон Божий, языки русский и иностранный (французский или немецкий), история, география, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, начальные понятия естественной истории, а также полевая фортификация, начальные основания артиллерии, рисование и черчение.

П. П. Сухтелен предложил ввести в обоих отделениях «предмет гимнастических упражнений», «служащий к развитию телесных сил и ловкости». Он подчеркнул, что «азиатец и даже русский чиновник Оренбургского края удивляется и почитает несовершенным воспитание молодых людей, не обучавшихся оным, особенно верховой езде, для всех необходимой» [14, л. 39 об.].

Эту идею военный губернатор уже осуществлял на практике. В июне 1831 г. он распорядился устроить при Неплюевском училище гимнастический класс, передал директору учебник, по которому обучали гимнастике в Петербургском кадетском корпусе, и внимательно следил за тем, как его распоряжение выполняется [17, л. 104—104 об., 116—117, 299]. Оказалось, однако, что найти преподавателя гимнастики нелегко. Наконец, в июле 1832 г. Комитет училища сообщил П. П. Сухтелену, что занять должность желает «учитель фехтования иностранец Матони, который имеет для обучения сему искусству достаточные сведения» [15, л. 617—617 об.]. Квалификацию И. А. Матони подтверждало свидетельство Казанского университета. Он и был допущен «к преподаванию уроков гимнастических упражнений, к которым принадлежит и фехтование» [15, л. 620].

Это предложение П. П. Сухтелена стало основой «Проекта нового положения Оренбургского Неплюевского военного училища», которое он представил в военное министерство летом 1832 г. [14, л. 135 об. — 163 об.]. В октябре, узнав, что оно получило предварительное одобрение, он распорядился составить «для опыта» два отделения из шести учеников каждое и начать преподавание по новой программе. Результаты оказались «весьма успешными», в чем Сухтелен убедился лично в феврале 1833 г. После этого он отдал приказ «сделать всем воспитанникам размещение, по их желанию» [17, л. 493—494 об.].

Что касается нового «Положения, то после детального обсуждения, внесения некоторых поправок и дополнений оно было официально утверждено только в 1840 г.» [21, л. 3].

Музей и библиотека

Внимание, которое П. П. Сухтелен оказывал Неплюевскому училищу, проявилось при организации первого в Оренбурге музея. В ноябре 1830 г. он сообщил училищному комитету о намерении «при сем училище устроить Музеум для сосредоточения всяких предметов, служить могущих к вящему развитию понятий юношества и к общей пользе распространения наук, особенно в Оренбургской губернии» [24, л. 7—8 об.]. Он решил «принять на себя особое попечительство об оном» и, выражая уверенность, что «каждый

из членов комитета охотно способствовать будет в успешном довершении сего предприятия», просил отвести под Музей «одну из зал Неплюевского училища».

Обязанности «смотрителя и устроителя Музеума» П. П. Сухтелен первоначально возложил на приехавшего с ним молодого чиновника Н. Д. Шангион-Гартинга, но вскоре отправил его в Харьков, Одессу, а затем в Константинополь с особым заданием — закупить для Неплюевского училища и Музеума редкие восточные рукописи и книги. Вместо него на эту должность был назначен политический ссыльный, магистр философии Виленского университета Фома Карлович Зан (1796—1855) [47].

Музей, созданный при Неплюевском военном училище, сыграл важную роль в истории культуры Оренбургского края [35].

П. П. Сухтелен проявил большую заботу о библиотеке Неплюевского военного училища, которая в это время уже была хорошо обеспечена учебной литературой. Должность библиотекаря занимал старший учитель русского языка Н. И. Ильин, исполнявший также обязанности правителя дел училища [15, л. 721—721 об., 724].

Архивные документы свидетельствуют, что библиотека пополнялась за счет пожертвований и из других случайных источников. Очень показателен в этом отношении рапорт, представленный в августе 1828 г. военному губернатору Г. Ф. Генсом, который тогда одновременно был директором Неплюевского училища и председателем Оренбургской Пограничной комиссии. Он писал: «В архиве сей комиссии хранятся 1-й и 2-й томы Лексикона турецкого, арабского и персидского языков с переводом на латинский язык и с помещением употребительных немецких, французских, итальянских и польских выражений... которые книги лежат без всякого употребления, ибо переводчики сей Комиссии сих языков не знают и потому оными книгами не могут пользоваться» [9, л. 373—373 об.]. Поскольку «известно, что персидскому и арабскому языкам обучаются в здешнем военном училище», Г. Ф. Генс просил у П. К. Эссена разрешения «означенные книги, как ненужные для Комиссии, передать в Неплюевское училище, где воспитанники могут ими воспользоваться». Разрешение было получено.

В 1829 г. хан Внутренней Орды Джангер Букеев пожертвовал в библиотеку училища полученные им из Константинополя два словаря восточных языков [9, л. 569—569 об., 672]. В том же году П. К. Эссен в ответ на просьбу Г. Ф. Генса разрешил покупку десяти экземпляров «Атласа Российского государства» [9, л. 578—578 об.], а готовясь к отъезду из Оренбурга, передал библиотеке — с целью «приумножения полезных книг для Неплюевского училища» — атлас Франции, планы нескольких немецких крепостей и 11 книг, в том числе сочинение Э. А. Эверсмана «Путешествие из Оренбурга в Бухару» [9, л. 588, 629, 649—652].

П. П. Сухтелену библиотека Неплюевского училища была обязана новыми приобретениями. В 1831 г. по его инициативе был куплен «Атлас всех пяти частей света на 32 листах» [25], а в 1832 г. — шесть экземпляров словаря восточных языков В. Летелье [17, л. 336—339, 341—345]. Тогда же он передал училищному комитету — «для чтения воспитанников и затем для помещения в библиотеку училища» — присланную ему из Петербурга книгу А. И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» [26, л. 7—7 об.]. Но особенно обогатилась библиотека благодаря получению книг на восточных языках, приобретенных по его заданию Н. Д. Шангион-Гартингом во время командировки в Одессу и Константинополь [27].

В отчете о состоянии Неплюевского училища за 1832 г. приводится длинный список книг, которые «употреблялись» для преподавания учебных предметов [17, л. 418—421]. Примечательно, что пособием по математике служили «Алгебра и Геометрия по запискам публичного ординарного профессора чистой математики при Императорском Ка-

занском университете». По всей вероятности, эти записки представил выпускник Казанского университета Д. И. Сапожников, слушавший там лекции выдающегося математика Н. И. Лобачевского.

Следует отметить, что специально для воспитанников Неплюевского военного училища по поручению П. П. Сухтелена и под его непосредственным руководством чиновник его канцелярии И. В. Жуковский написал книгу «Краткое обозрение событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год» [29], опубликованную в 1832 г. в Петербурге. По ней, как сказано в предисловии, «юные питомцы... запечатлевать будут в своей памяти события родного им края, случившиеся в продолжение важнейших эпох отечественной истории». Кроме исторического очерка, книга содержит первое полное географическое и статистическое описание Оренбургского края. Десять экземпляров этой книги Сухтелен передал в дар библиотеке Неплюевского училища с предложением перевести ее на татарский язык [28]. Он писал директору: «Я прошу Вас употребить старание, чтобы сочинение сие... переведено было исподволь на татарский язык теми из учеников, кои знают его хорошо, и переписано чистым письмом в формате препровождаемой книжки, дабы она могла быть отпечатана и распродана между Азиатцами с употреблением вырученных денег на полезное и благотворения».

Как видно из документов архивного дела, перевод был выполнен воспитанниками азиатского отделения под руководством учителя М. И. Иванова и завершен в 1835 г. [28, л. 4—5].

Говоря о роли Сухтелена в истории Неплюевского военного училища, необходимо упомянуть, что его стараниями в 1832 г. при училище было учреждено «особенное отделение для воспитания детей женского пола», получившее название Оренбургского женского училища. Этим было положено начало женскому образованию в Оренбурге.

Плодотворная деятельность П. П. Сухтелена в Оренбургском крае прервалась внезапно: 20 марта 1833 г. он скоропостижно скончался. Начатые при нем преобразования в Неплюевском военном училище были продолжены в последующие годы при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском, правившем краем два раза: с 1833 по 1842 г. и с 1851 по 1857 г.

Таким образом, к концу первого десятилетия существования Оренбургского Неплюевского военного училища оно было разделено на европейское и азиатское отделения с различной программой обучения. Эта структура, сохранявшаяся в течение следующих тридцати лет, позволила военному учебному заведению успешно готовить необходимых для Оренбургского края переводчиков восточных языков. Они оказали существенную помощь оренбургской администрации в ее торговых и дипломатических отношениях с представителями ханств Средней Азии.

Список использованных источников и литературы

1. Аносов А. А. Неплюевское военное училище и его роль в становлении естественнонаучного образования в Оренбургской губернии // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. Вып. 2. С. 71—83.
2. Белавин К. А. Оренбург. Географико-статистический очерк. Оренбург, 1891.
3. Болодурин В. С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735—1940 годы). Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2001.
4. Васильев А. В. Оренбургский Неплюевский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург, 1896.
5. Вертоусова Е. Г. «Доставить просвещенных чиновников» (История открытия военного училища в Оренбурге) // Вечерний Оренбург. 1995. № 44 (2 нояб.).

6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 2006.
7. ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2104.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 279 а.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3314.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3335.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3314.
14. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912.
15. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в.
16. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053.
17. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3848.
18. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 366.
19. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4531.
20. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318.
21. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3104.
22. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4052.
23. ГАОО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1.
24. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3850.
25. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3739.
26. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3991.
27. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3801.
28. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3993-а.
29. Жуковский И. В. Краткое обозрение событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. СПб., 1832.
30. Игнатъев Р. Г. Рескрипт императора Александра I на имя Оренбургского военного губернатора Бахметева об открытии в г. Оренбурге дворянского военного училища // Справочная книга Оренбургского края на 1871 г. Приложения. С. 1—5.
31. История отечественного востоковедения до середины XIX века / под ред. Г. Ф. Кима и П. М. Шаститко. М. : Наука, 1990.
32. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд. Л. : Наука, 1982.
33. Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского корпуса. Оренбург, 1913.
34. Лобысевич Ф. И. Город Оренбург. Историко-статистический очерк. СПб., 1878.
35. Матвиевская Г. П. Первый музей Оренбурга // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. Вып. 1. С. 7—29.
36. Матвиевская Г. П. «Добрейший, умный и чрезвычайно забавный собеседник» // Вечерний Оренбург. 2003. № 23 (5 июня).
37. Матвиевская Г. П. «Умное и дельное сочувствие». А. Н. Дьяконов — оренбургский друг и единомышленник В. И. Даля // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. Вып. 4. С. 60—72.
38. Матвиевская Г. П. О преподавании восточных языков в Оренбургском Неплюевском военном училище // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института истории народов Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010. Вып. 10. С. 233—237.
39. Матвиевская Г. П. Мартиниан Иванов — оренбургский востоковед XIX века // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института истории народов Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. Вып. 11. С. 45—53.
40. Матвиевская Г. П. «Помня всегда долг службы и присяги...». Оренбург — начало научной и дипломатической биографии П. И. Демезона // Россия в отечественных войнах : материалы IV Всерос. историко-краеведч. конф., посвящ. памяти проф. П. Е. Матвиевского. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 190—191.
41. Матвиевская Г. П., Зубова И. К. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2007.
42. Матвиевский П. Е. Г. Ф. Генс и его записи о русско-индийских связях в XVIII — нач. XIX в. // Из истории Южного Урала и Зауралья XIX века. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966. С. 49—69.
43. Матвиевский П. Е. Экспедиция на Тургай 1814—1815 гг. // Из истории Южного Урала и Зауралья XIX века. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966. С. 243—264.
44. Мирсайтова С. Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Ч. I—II. Екатеринбург : УралНАУКА, 2000.

45. Митурич П. В. Очерк истории Оренбургского Неплюевского военного училища и Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса от основания их до последних преобразований // Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 год. С. 193—216.
46. Митурич П. В. Пятидесятилетний юбилей Оренбургской Неплюевской гимназии // Оренбургские губернские ведомости. 1875. № 1.
47. Модестов Н. Н. Фома Карлович Зан в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1917. Вып. 35.
48. Попов А. В. Холера 1829—1833 годов в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1910. Вып. 21.
49. Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург, 1915; 2-е изд. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2000.
50. Свиньин П. П. Картина Оренбурга и его окрестностей (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» в 1824 году) // Отечественные записки. 1828. № 99. Июль. С. 4—36.
51. Севастьянов С. Н. Князь Г. С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву — Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1897. Вып. 3. С. 1—56.
52. Севастьянов С. Н. Григорий Федорович Генс // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 19. С. 158—161.
53. Семенов В. Г. Ну что загрустили, мой юный кадет? // Оренбургская неделя. 1993. 26 июля.
54. Семенов В. Г. Степной музей // Гостинный двор : альманах. 1995. № 3. С. 92—95.
55. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 1999.
56. Столянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908.
57. Судоргина Т. В. «История Неплюевского корпуса очень любопытна» // Оренбуржье. 1995. № 151 (30 июля).
58. Судоргина Т. В. В. А. Перовский и Неплюевское училище // Южный Урал. 1995. 21 нояб.
59. Судоргина Т. В. Дар адмирала И. Ф. Крузенштерна // Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 1999. С. 152—157.
60. Судоргина Т. В. Училище, основанное благотворительным путем // Вечерний Оренбург. 2005. № 3 (20 янв).
61. Судоргина Т. В. В память дня открытия Неплюевского военного училища // Оренбургское время. 2006. № 7 (15 февр.).
62. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
63. Шилов Н. Д. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в эпоху Николая I // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994.
64. Юдин П. Л. Григорий Федорович Генс, первый директор Оренбургского кадетского корпуса // Русская старина. 1899. № 8. С. 363—373.

Поступила в редакцию 29.02.2016 г.

Матвиевская Галина Павловна, доктор физико-математических наук, профессор
 Оренбургский государственный педагогический университет
 Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
 E-mail: zubova-inna@yandex.ru

UDC 94(470.56):37(091)

G. P. Matviyevskaya**Neptyuev Orenburg Military School (1825—1832)**

Based on the documents of the State Archive of the Orenburg region the article highlights the genesis of the oldest secondary school in Orenburg — Neptyuev Military School (later Neptyuev Cadet Corps), which played an important role in the life of the region until 1918. The article is devoted to the history of the academy in the first decade of its life. By the end of this term the academy had been divided into the European and Asian departments with different educational programs. The article demonstrates the importance of Orenburg governors for the development of this educational institution, provides the information about the teachers working there, describes the activities of the first school principals.

Key words: Neptyuev Orenburg military school, Neptyuev Orenburg cadet corps, education, oriental languages, translators, military specialists, teachers.

Matviyevskaya Galina Pavlovna, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: zubova-inna@yandex.ru

References

1. Anosov A. A. Neptyuevskoe voennoe uchilishche i ego rol' v stanovlenii estestvennonauchnogo obrazovaniya v Orenburgskoi gubernii [Neptyuev military school and its role in the development of science education in the Orenburg province]. *Orenburgskii kraj. Arkhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya* [Orenburg region. Archival documents. Materials. Research]. Orenburg, OGPU Publ., 2003, is. 2, pp. 71-83. (In Russian).
2. Belavin K. A. *Orenburg. Geografiko-statisticheskii ocherk* [Orenburg. Geographic and statistical review]. Orenburg, 1891. (In Russian).
3. Bolodurin V. S. *Obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' v Orenburzh'e. Stranitsy istorii (1735—1940 gody)* [Education and pedagogical ideas in the Orenburg region. Pages of History (1735—1940)]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2001. (In Russian).
4. Vasil'ev A. V. *Orenburgskii Neptyuevskii korpus kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovaniya kirgizov* [Neptyuev Orenburg corps as the first educational institution in the history of Kirghiz education in Russia]. Orenburg, 1896. (In Russian).
5. Vertousova E. G. “Dostavit' prosveshchennykh chinovnikov” (Istoriya otkrytiya voennogo uchilishcha v Orenburge) [“Deliver the enlightened officials” (History of military school in Orenburg)]. *Vechernii Orenburg*, 1995, no. 44 (2 noyab.). (In Russian).
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg region]. (GAOO). F. 6. Op. 2. D. 2006.
7. GAOO. F. 222. Op. 1. D. 2.
8. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 2104.
9. GAOO. F. 6. Op. 7. D. 279 a.
10. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3314.
11. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3335.
12. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3860.
13. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3314.
14. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3912.
15. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3860-v.
16. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 4053.
17. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3848.
18. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 366.
19. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 4531.
20. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 2318.
21. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3104.
22. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 4052.

23. GAOO. F. 328. Op. 1 D. 1.
24. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3850.
25. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3739.
26. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3991.
27. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3801.
28. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3993-a.
29. Zhukovskii I. V. *Kratkoe obozrenie sobytii Orenburgskogo kraia, raspolozhennykh khronologicheski s 1246 po 1832 god* [Quick Review of Orenburg events, given chronologically from 1246 to 1832]. St. Petersburg, 1832. (In Russian).
30. Ignat'ev R. G. Reskript imperatora Aleksandra I na imya Orenburgskogo voennogo gubernatora Bakhmeteva ob otkrytii v g. Orenburge dvoryanskogo voennogo uchilishcha [Rescript of Emperor Alexander I, in the name of the Orenburg military governor Bakhmetev on opening a noble military school in Orenburg]. *Spravochnaya kniga Orenburgskogo kraia na 1871 g. Prilozheniya* [Reference Book of the Orenburg region in 1871. Applications], pp. 1-5. (In Russian).
31. *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny XIX veka / pod red. G. F. Kima i P. M. Shastitko* [The history of Russian Oriental Studies to the middle of the XIX century, ed. by G. F. Kim and P. M. Shastitko]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russian).
32. Kononov A. N. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skii period. 2-e izd.* [History of the study of Turkic languages in Russia. pre-October period]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. (In Russian).
33. *Kratkii ocherk istorii Orenburgskogo Neplyuevskogo korpusa* [A Short History of Neplyuev Orenburg Corps]. Orenburg, 1913. (In Russian).
34. Lobsevich F. I. *Gorod Orenburg. Istoriko-statisticheskii ocherk* [Orenburg. Historical and statistical sketch]. St. Petersburg, 1878. (In Russian).
35. Matviyevskaya G. P. Pervyi muzei Orenburga [The first museum of Orenburg]. *Orenburgskii krai. Arkhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya* [Orenburg region. Archival documents. Materials. Research]. Orenburg, OGPU Publ., 2001, is. 1, pp. 7-29. (In Russian).
36. Matviyevskaya G. P. "Dobreishii, umnyi i chrezvychaino zabavnyi sobesednik" ["Good, smart and very funny interviewee"]. *Vechernii Orenburg*, 2003, no. 23. (In Russian).
37. Matviyevskaya G. P. "Umnoe i del'noe sochuvstvie". A. N. D'yakonov — orenburgskii drug i edinomyshlennik V. I. Dalya ["Smart and sensible sympathy". A. N. Dyakonov — Orenburg friend and associate of V. I. Dahl]. *Orenburgskii krai. Arkhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya* [Orenburg region. Archival documents. Materials. Research]. Orenburg, OGPU Publ., 2008, is. 4, pp. 60-72. (In Russian).
38. Matviyevskaya G. P. O prepodavanii vostochnykh yazykov v Orenburgskom Neplyuevskom voennom uchilishche [On teaching Oriental languages at Neplyuev Orenburg military school]. *Evraziiskoe ozherel'e. Al'manakh obshchestv. in-ta istorii narodov Orenburzh'ya* [Eurasian necklace. Almanac]. Orenburg, OGPU Publ., 2010, is. 10, pp. 233-237. (In Russian).
39. Matviyevskaya G. P. Martinian Ivanov — orenburgskii vostokoved XIX veka [Martinian Ivanov — Orenburg orientalist of the XIX century]. *Evraziiskoe ozherel'e. Al'manakh obshchestv. in-ta istorii narodov Orenburzh'ya* [Eurasian necklace. Almanac]. Orenburg, OGPU Publ., 2011, is. 11, pp. 45-53. (In Russian).
40. Matviyevskaya G. P. "Pomnya vseгда dolg sluzhby i prisyagi..." Orenburg — nachalo nauchnoi i diplomateskoi biografii P. I. Demezona ["Always remembering the sworn duty and loyalty oath..." Orenburg — the beginning of the scientific and diplomatic biography of P. I. Demezons]. *Rossiya v otechestvennykh voinakh: materialy IV Vseros. istoriko-kraevedch. konf., posvyashch. pamyati prof. P. E. Matviyevskogo* [Russia in civil wars: proceedings of the IV All-Russia historical and regional natural conf., dedicated to the memory of Prof. P. E. Matviyevskii]. Orenburg, OGPU Publ., 2012, pp. 190—191. (In Russian).
41. Matviyevskaya G. P., Zubova I. K. *Vladimir Ivanovich Dal' v Orenburge* [Vladimir Dahl in Orenburg]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2007. (In Russian).
42. Matviyevskii P. E. G. F. Gens i ego zapisi o rusko-indiiskikh svyazyakh v XVIII — nach. XIX v. [G. F. Gens and his notes on Russian-Indian relations in the XVIII — early XIX century]. *Iz istorii Yuzhnogo Urala i Zaural'ya XIX veka* [From the history of the Southern Urals and Trans-Urals of the XIX century]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1966, pp. 49-69. (In Russian).
43. Matviyevskii P. E. Ekspeditsiya na Turgai 1814—1815 gg. [Expedition in Turgai 1814—1815]. *Iz istorii Yuzhnogo Urala i Zaural'ya XIX veka* [From the history of the Southern Urals and Trans-Urals of the XIX century]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1966, pp. 243-264. (In Russian).
44. Mirsaitova S. G. *Narodnoe obrazovanie na Yuzhnom Urale v pervoi polovine XIX v. Ch. I—II* [Education in the Southern Urals in the first half of the XIX century. Part I—II]. Ekaterinburg, UralNAUKA Publ., 2000. (In Russian).

45. Miturich P. V. Oчерk istorii Orenburgskogo Neplyuevskogo voennogo uchilishcha i Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa ot osnovaniya ikh do poslednikh preobrazovaniy [Essay on the history of Neplyuev Orenburg military school and Neplyuev Orenburg cadet corps from their foundation to the latest reforms]. *Spravochnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1870 god* [Reference book of the Orenburg province in 1870], pp. 193-216. (In Russian).
46. Miturich P. V. Pyatidesyatiletanii yubilei Orenburgskoi Neplyuevskoi gimnazii [The fiftieth anniversary of Neplyuev Orenburg gymnasium]. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*, 1875, no. 1. (In Russian).
47. Modestov N. N. Foma Karlovich Zan v Orenburge [Foma Karlovich Zan in Orenburg]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg scientific archival commission]. Orenburg, 1917, is. 35. (In Russian).
48. Popov A. V. Kholera 1829—1833 godov v Orenburgskom krae [Cholera 1829—1833 years in the Orenburg region]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg scientific archival commission]. Orenburg, 1910. Is. 21. (In Russian).
49. Raiskii P. D. *Putevoditel' po gorodu Orenburgu s ocherkom ego proshlogo i nastoyashchego, illyustratsiyami i planom* [Orenburg Guide with its sketch on the past and the present, illustrations and a plan]. Orenburg, 1915; 2nd ed. Orenburg, 2000. (In Russian).
50. Svin'in P. P. Kartina Orenburga i ego okrestnostei (Iz zhivopisnogo puteshestviya po Rossii izdatelya "Otechestvennykh zapisok" v 1824 godu) [Picture of Orenburg and the surrounding area (From the scenic trip of a publisher to Russia "Notes of the Fatherland" in 1824)]. *Otechestvennye zapiski*, 1828, no. 99, Iyul', pp. 4-36. (In Russian).
51. Sevast'yanov S. N. Knyaz' G. S. Volkonskii kak initsiator pamyatnika Neplyuevu — Neplyuevskogo uchilishcha, nyne Neplyuevskogo kadetskogo korpusa [Prince G. Volkonsky as the initiator of the monument to Neplyuev — Neplyuev military school, now Neplyuev Cadet Corps]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg scientific archival commission]. Orenburg, 1897, is. 3, pp. 1-56. (In Russian).
52. Sevast'yanov S. N. Grigorii Fedorovich Gens [Grigory Fedorovich Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg scientific archival commission]. Orenburg, 1907, is. 19, pp. 158-161. (In Russian).
53. Semenov V. G. Nu chto zagrustili, moi yunyi kadet? [Well, are you sad, my young cadet?]. *Orenburgskaya nedelya*, 1993, 26 iyulya. (In Russian).
54. Semenov V. G. Stepoi muzei [Steppe Museum]. *Gostinyi dvor : al'manakh* [Gostiny Dvor: Almanac], 1995, no. 3, pp. 92-95. (In Russian).
55. Semenov V. G., Semenova V. P. *Gubernatory Orenburgskogo kraya* [The governors of the Orenburg region]. Orenburg, 1999. (In Russian).
56. Stolpyanskii P. N. *Gorod Orenburg. Materialy k istorii i topografii goroda* [Orenburg. Materials on the history and topography of the city]. Orenburg, 1908. (In Russian).
57. Sudorgina T. V. "Istoriya Neplyuevskogo korpusa ochen' lyubopytna" ["History of Neplyuev corps is very curious"]. *Orenburzh'e*, 1995, no. 151 (30 iyulya). (In Russian).
58. Sudorgina T. V. V. A. Perovskii i Neplyuevskoe uchilishche [V. A. Perovsky and Neplyuev School]. *Yuzhnyi Ural*, 1995, 21 noyab. (In Russian).
59. Sudorgina T. V. Dar admirala I. F. Kruzenshterna [Gift of Admiral Kruzenshtern]. *Orenburgskii gubernator Vasiliy Alekseevich Perovskii* [Orenburg Governor Vasily Perovsky]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 1999, pp. 152-157. (In Russian).
60. Sudorgina T. V. Uchilishche, osnovannoe blagotvoritel'nym putem [The school, founded by charity]. *Vechernii Orenburg*, 2005, no. 3 (20 yanv). (In Russian).
61. Sudorgina T. V. V pamyat' dnya otkrytiya Neplyuevskogo voennogo uchilishcha [In memory of the day of opening Neplyuev military school]. *Orenburgskoe vremya*, 2006, no. 7 (15 fevr.). (In Russian).
62. Cheremshanskii V. M. *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khozyaistvennom, statisticheskom, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniyakh* [Description of the Orenburg province in economic, statistical, geographical and industrial respects]. Ufa, 1859. (In Russian).
63. Shilov N. D. Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus v epokhu Nikolaya I [Neplyuev Orenburg cadet corps in the era of Nikolai I]. *Orenburgskoe kazach'e voisko. Istoricheskie ocherki* [Orenburg Cossack army. Historical sketches]. Chelyabinsk, 1994. (In Russian).
64. Yudin P. L. Grigorii Fedorovich Gens, pervyi direktor Orenburgskogo kadetskogo korpusa [Grigory Fedorovich Gens, the first principal of the Orenburg cadet corps]. *Russkaya starina*, 1899, no. 8, pp. 363-373. (In Russian).